

УДК 1(091):930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.156

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий лингвистический контекст. Рассматривается генеалогия государства, предложенная Скиннером и подразумевающая изучение различных способов толкования концепта «государства» в истории политической мысли

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, государство

К. Скиннер – историк, философ, один из ведущих представителей Кембриджской школы, внес значительный вклад в развитие интеллектуальной истории и политической теории. Его интеллектуальная история не содержит в себе кантовской критики, демонстрации условий возможности политической деятельности. Скорее наоборот, это критика в стиле М. Фуко, которая вопрошает: «Какое место занимает единичное, случайное и продукт произвольных ограничений в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?» [2]. Скиннер заинтересован в изучении современного ограниченного диапазона понятий, используемых для повествования о политических проблемах: «Я заинтересовался идеей обогащения нашего словарного запаса отсылками к прошлому... Мы склонны думать о свободе как о предикате действий, утверждая, что люди свободны, если они не ограничены в осуществлении своих полномочий. Но почти никто не размышлял в этих терминах до эпохи Просвещения» [6]. Например, неоримская теория свободы, стоящая в центре мысли Скиннера, ценна именно тем, что она искоренена из современной политики, т. е. своей инаковостью [4, р. 65]. Для него также интересно употребление концепта «государство». В настоящее время государство, прежде всего, рассматривается как синоним правительства, что было далеко не всегда. К примеру, в римском праве слово *status* обозначало правовое положение и состояние. В свою очередь, повествование о правителях включало в себя представления об особом рода моральных свойств личности, особых *estate royal*, *estat du roi* или *status rigis*. Поэтому закономерным является следующий вопрос: как и почему подобные конкурирующие представления и концепции были вычеркнуты из политического словаря и к чему это привело [6]. Тем са-

мым, Скиннера интересуют не только сложившееся словоупотребление, но и те иные незнакомые смыслы, которые наши предки вкладывали в знакомые нам понятия политического словаря, другими словами, существующие разрывы в толкованиях. Вместе с тем, для Скиннера значимую роль играет и концептуальная преемственность: «мы все еще задаем вопросы, как это делал Аристотель, о наилучшем устройстве государства; об основаниях и пределах политического послушания; и о других связанных вопросах над которыми люди размышляли длительное время» [6]. Данная установка явно предполагает наличие вечных проблем и вопросов, хотя в более ранних методологических работах Скиннер подчеркивал невозможность существования подобного, констатируя нежелательность редукции истории политической мысли к вечным доктринам и идеям [14, р. 5]. Возрождая формулировку Р.Дж. Коллингвуда, он отмечал, что не существует вечных проблем – существуют только индивидуальные ответы на отдельные вопросы и, возможно, столько же разных вопросов, сколько есть их задающих [12, р. 50]. Тем самым, любой аргумент неизбежно является локальным или частным, и вследствие этого не может достичь уровня абстракции, необходимого для того, чтобы иметь трансисторическое значение.

Другим закономерным методологическим вопросом, занимающим центральное место в интеллектуальной истории Скиннера, является проблема контекста. Он выделял несколько возможных контекстов. Исторический контекст необходим, чтобы реконструировать, определить и понять какой-то значимый элемент, содержащийся в нем, что, по сути, подразумевает толкование в границах герменевтического круга, при рассмотрении текста как ответа на вопрос, а контекста как источника вопросов [8]. Кроме того, социальная и политическая жизнь сама по себе ставит проблемы перед теоретиками, что открывает возможность для социального контекста. Более того, текст всегда связан с другим текстом, что определяет основополагающий контекст для Скиннера – лингвистический, поэтому многие критики, например М. Бевир, характеризовали подход Скиннера как лингвистический контекстуализм [1]. Данный подход позволяет увидеть, как мы «захвачены» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что наши концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности [2]. Лингвистический контекст состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, стало быть автор действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом [13]. Значения слов и высказываний варьируются в зависимости от того, в каком историческом и лингвистическом контексте используется утверждение. Любые попытки определить внеисторическое значение текста потерпят неудачу, поскольку не существует идеального языка или фиксированного значения для него слов, на которые интерпретатор текста может ссылаться при переводе [5].

Скиннеру также близка позиция П. Рикера, выражаемая в утверждении, что текст обладает значением, независимым от автора и исходной ситуации, задаваемой внешним социально-историческим контекстом, и поэтому способен приобретать независимые значения. Всегда будет существовать и предполагаемое значение, поскольку используемая лексика часто обладает множественными или спорными толкованиями, поэтому зачастую определенную сложность приобретает формулирование выводов о точных намерениях автора исходя из использования различных способов словоупотребления. С другой стороны, значение текста может ассоциироваться с тем, как текст должен был быть воспринят, т. е. что мог иметь в виду его автор, и тогда значение и интенциональность, по мнению Скиннера, возможно приравнять [6]. Работа Ж. Деррида и других сторонников деконструкции слишком сосредотачивается, по мнению Скиннера, на поиске тех значений, которые не подразумеваются. И хотя он, в значительной степени, согласен со скептическими наблюдениями Деррида относительно возможности восстановления намерений перед лицом полисемии и двусмысленности, для него было бы ошибочным делать вывод об неуместности и даже безнадежности изучения интенциональности. Во-первых, Скиннер не стремится полностью отойти от традиционной фигуры автора, сохраняя понятие авторской интенциональности, в целях объяснения процессов концептуальных изменений: вполне возможно определить те моменты в истории философии, когда возникает новая тема или формируется новый способ осмысления устоявшейся концепции, а за подобными изменениями могут стоять отдельные авторы [10]. Во-вторых, Скиннер также не принимает деконструктивистскую тенденцию текстовой интерпретации, стирающую различие между текстами, поскольку без автора не было бы способа объяснить, как меняется политический дискурс общества. В то время как языковые темы каждого общества формируют и ограничивают мысли человека, эти же самые языковые игры также являются источником политических изменений. Хотя Скиннер использует автора для объяснения изменений в политическом дискурсе, он не позволяет ему занимать центральное место в своей методологии, поскольку концентрация на предполагаемых состояниях действующего лица приводит к игнорированию значительного количества информации, которая имеет отношение к любым попыткам объяснения. Следовательно, исследователь должен сосредотачиваться на изучении всего диапазона дискурсов и намерений.

В центре внимания Скиннера стоят языковые действия и речевые акты, понимаемые в традиции Дж.Л. Остина: при размещении любого речевого акта в контекст имеющих смысл языковых и социальных условий возможно восстановить изначальную силу высказываний, продемонстрировать, например, что конкретное высказывание имело силу предупреждения, а не приказа, приветствия или же предсказания. Ряд критиков указывали на невозможность проникновения в сознание автора и подчеркивали ментальный характер намерений, другие, к примеру, К. Миноуг,

Дж. Фемиа и Дж. Кин критиковали подобные воззрения Скиннера. Фемиа считал, что если интеллектуальная история должна иметь какое-то значение в настоящем, то историки должны сосредоточиться на влиянии текста, а не на намерениях автора [3]. Миноуг полагал, что политические теоретики и интеллектуальные историки интересуются двумя разными аспектами текста [9], а Кин указывал, что исследователь не может восстановить намерения автора, потому что интерпретация каждого предвзята [7]. Тем не менее, для Скиннера намерения выражаются в публичной сфере, являясь заданными в пространстве социальных значений: «какие бы намерения не были у данного автора, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса» [13]. Соответствующая методология истории идей должна определить весь спектр сообщений, которые могли бы быть конвенционально осуществлены посредством произнесения данного высказывания, и, затем, проследить отношения между данным высказыванием и более широким языковым контекстом, для того, чтобы декодировать фактический замысел автора.

Рассмотрим более подробно взгляды Скиннера на государство – один из наиболее интересных для него концептов, наряду с концептом свободы. В работе «Генеалогия современного государства» он стремится раскрыть различные способы его использования в прежние времена, что позволит критически осмыслить особенности его понимания в настоящее время [11]. Для Скиннера очевидна сложность обнаружения какой-либо согласованной концепции, которой соответствовало бы слово «государство». В последнее время в западной науке наметилась тенденция рассматривать государство как наименование установленного государственного аппарата, и в обыденном языке слова государство и правительство стали практически синонимами. В этой связи закономерным для Скиннера является следующие вопросы: обеднело ли наше мышление вследствие отказа от ряда более ранних и нормативных теорий, возможно ли переосмыслить эту концепцию иными более плодотворными способами? [11, р. 326].

В рамках англоязычной правовой и политической теории дискуссии о государстве, государственности и государственной власти формируются к кон. XVI – нач. XVII вв., что было обусловлено влиянием схоластических дискуссий о *summa potestas*, а также растущей доступности французских трактатов о суверенитете и итальянских руководств по политике и государственному разуму. В результате слияния этих направлений мысли термин «государство» стал использоваться для обозначения особого типа союза или гражданской ассоциации, а именно, *universitas* или же сообщества людей, живущих под суверенной властью признанного монарха или правящей группы [11, р. 326–327]. Один из вопросов, который поднимался в ренессансном жанре советов для князей, всегда заключался в том, как должны действовать правители, чтобы сохранить свое государство и под-

держат свой статус. Теоретики права того поколения говорили в схожих терминах о важности сохранения своего государства или положения в качестве правителя. Однако, по мнению этих авторов, есть нечто более безличное, что должно быть сохранено в целях избегания государственного переворота – благосостояние политического организма, т. е. в данный момент ряд теоретиков права начали описывать *corpus politicum* как государство. Языковое изменение было незначительным, но влекло за собой важные концептуальные перемены – на смену необходимости правителей поддерживать свой собственный статус приходит обязанность поддерживать управляемые государства [11, p. 328].

Подобный способ мышления о государстве (Скиннер соотносит его с абсолютистской теорией) вскоре был подхвачен двумя отдельными направлениями юридического и политического дискурса в Англии нач. XVII в. Первое возникло из схоластических дискуссий о *suprema potestas*: хотя эти философы допускают, что *universitas* народа должен был быть первоначальным носителем верховной власти, они настаивают на том, что акт подчинения правительству всегда включает в себя то, что может быть охарактеризовано как «квазиотчуждение» политических прав. Другая, более влиятельная формулировка, была частью доктрины божественного права королей. Сэр Р. Филмер, самый известный защитник божественного права в Англии нач. XVII в. характеризует как опасную ересь веру в то, что «человечество от природы наделено свободой от всякого подчинения и вольностью выбирать форму правления по своему усмотрению» (цит. по: [11, p. 330]). По мнению Филмера, правители получают свою власть не от народа, а непосредственно от «рукоположения самого Бога», короли являются помазанниками и заместителями Господа и, следовательно, обладают высшей и неоспоримой властью над государственным организмом.

Критики абсолютистской теории сошлись во мнении, что, «когда мы говорим о государстве, мы имеем в виду тип гражданского союза, организм или общество людей, объединенных под властью. Но они отвергли метафору, согласно которой этот *societas* или *universitas* – просто безголовый торс, нуждающийся в монархе, который бы руководил им и контролировал его» [11, p. 332]. Верховная власть может принадлежать союзу народа, стало быть, государство подразумевает под собой совокупность людей, рассматриваемых как обладатели суверенитета. В этом направлении, как указывает Скиннер, развилось два различных вызова абсолютистской теории, в рамках которых формируется новая теория государства. Первый вызов исходил от группы писателей-«политических анатомов», сосредоточенных на сравнении различных форм правления. В центре их внимания стояли народные государства или же просто «государства», которые именуются подобным образом, чтобы отличить их от других от монархий и княжеств. Подобные сообщества обычно управлялись законодательными собраниями, в которых люди были представлены в соответствии с их различными социальными рангами или сословиями. Теоретики данного направления утверждали, что

жить при монархии – значит подчиняться правам короля и, таким образом, жить в некоторой степени в зависимости от его воли: как было установлено в «Сборнике римского права», зависеть от воли другого человека – это то же самое, что значит быть рабом. Если необходимо сохранить свою свободу под властью правительства, то должен быть обеспечен такой политический порядок, в котором не допускаются чрезмерные полномочия. Скрытый вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что, если вы хотите жить «в свободном государстве», вы должны обязательно жить в самоуправляющейся республике. Наиболее ярким примером подобного государства являлась Венеция [11, р. 334].

Вторая, более радикальная, линия атаки основывалась на схоластических дискуссиях о *summa potestas* и их адаптации гугенотскими публицистами в последние десятилетия XVI в., убежденных, что при всех законных формах правления – как при монархиях, так и при республиках – права суверенитета всегда должны оставаться за *universitas* народа или государственным организмом. В противном случае народ будет обречен на жизнь в зависимости от доброй воли своего государя, что приведет к низведению из первоначального состояния свободы в неестественное состояние рабства. Первым английским политическим теоретиком, изложившим именно эту аргументацию, был Г. Паркер, заявлявший, что суверенитет в конечном итоге принадлежит народу. Будучи образом или представлением государства, парламент «не может иметь никаких интересов, отличных от интересов народа», и именно в силу этой идентичности он становится «высшим разумом или судебной властью этого государства» (цит. по: [11, р. 337–339]). Как только подобная теория государства была введена в обращение, она была яростно осуждена роялистами и абсолютистами всех мастей.

Иную теорию предложил Т. Гоббс, начавший исследование с размышлений о естественном состоянии человечества – войны всех против всех, следовательно, народа как единого организма для него вообще не существует. Он полностью поддерживает мнение парламентариев о том, что единственный механизм, с помощью которого могут быть созданы законные режимы, – это «согласие каждого из субъектов», каждый из которых должен передать власть «от себя в частности» носителям суверенной власти – монархам [11, р. 342–343]. Гоббс никогда не говорил в манере, типичной для теоретиков абсолютизма, о почитании королей как помазанников Господних или как заместителей Божьих на земле. Объясняя политический завет, он предполагал, что нельзя ожидать подчинения суверенной власти, если люди не верят, что в результате приобретут более мирный и устоявшийся образ жизни, нежели в природном состоянии. Все суверены по определению абсолютны, их нельзя наказать или отстранить от должности, если они ведут себя несправедливо. Однако, в этом случае они нарушают свой долг – стремление «обеспечивать общие интересы», управляя правительством способом, «приемлемым для справедливости и общего блага» (цит. по: [11, р. 343]). Когда люди уполномочивают пред-

ставителя, они должны быть готовы считать себя «собственниками» всего, что впоследствии будет сказано или сделано данным лицом. Причина подобного заключается в том, что актом разрешения суверену дается право говорить и действовать от имени населения. «Поэтому мы должны быть готовы взять на себя ответственность за его слова и действия, как если бы они были нашими собственными». Тем самым, Гоббс приходит к центральному утверждению о значении общественного договора: «когда мы соглашаемся уполномочить суверена, мы превращаемся из простого множества в единую группу». Людей теперь объединяет общее согласие жить в подчинении закону и наличие единой определяющей воли суверенного представителя, чьи слова и действия считаются общими: «множество людей составляют Одно Лицо, когда они представлены одним Лицом» (цит. по: [11, р. 343]). Таким образом рождаются две сущности, не существовавшие в естественном состоянии: искусственное лицо, которому дается право говорить и действовать от имени группы людей – государь, и искусственная личность, создаваемая при приобретении единой воли и голоса – содружество или государство. Гоббс подчеркивал, что государство – это личность, персона, отличная от правителей и управляемых, и именовал его Левиафаном. Государство отделяется не только от фигуры суверена, но и от единства множества, которым суверен управляет в конкретный момент времени. Правители приходят и уходят, единство множества постоянно меняется по мере того, как его члены рождаются и умирают, а личность государства сохраняется, поддерживая обязательства и отстаивая права далеко за пределами жизни любого из его подданных. В тоже время Гоббс признавал, что никакое государство не может быть бессмертным, оно подвержено болезням и опасностям. Суверен, на которого возложены полномочия, всего лишь «олицетворяет» государство: любые действия, которые он совершает в своем официальном качестве, всегда приписываются государству и считаются действиями государства. Следовательно, именно государство (*Persona Civitatis*) является истинным обладателем суверенитета и имеет права и полномочия издавать законы и обеспечивать повиновение [11, р. 347]. Действия являются «правильными», когда выполняются два взаимосвязанных условия. Во-первых, они должны быть предприняты сувереном, уполномоченным членами множества говорить и действовать от имени лица государства. Во-вторых, они должны быть направлены на сохранение жизни и здоровья, обеспечения безопасности, общего блага или соблюдения общественных интересов.

Первым философом, опиравшимся на идеи Гоббса, был С. Пуфендорф, подробно обсуждавший концепцию *civitas* как *persona moralis* и способствовавший расширению подобных дискуссий. По Пуфендорфу, наиболее подходящим определением гражданского государства, по-видимому, является следующее: «это сложная моральная личность, чья воля, объединенная и связанная вместе теми соглашениями, которые прежде были приняты среди множества людей, считается волей всех» (цит.

по: [11, р. 351]). Этот ключевой отрывок – не более чем цитата из определения государства Гоббса. Пуфендорф признавал, что государство не может надеяться действовать от своего собственного имени; ему нужен представитель. Поэтому, когда правители осуществляют свою «общественную волю», они «представляют волю государства». Дальнейшее развитие данные идеи получают в творчестве Э. де Ваттеля. Рассматриваемое как союз индивидов, государство у него выступает в качестве отдельной «моральной личности», обладающей «разумом и волей, присущими только ей самой». Как только установлена определенная форма правления, носители суверенитета наделяются высшими полномочиями по «распоряжению всему, что связано с общественным благосостоянием», но осуществляют их лишь как представители, которым поручено действовать «во имя безопасности государства» [11].

Договорная теория начала привлекать внимание английских теоретиков права, чему, несомненно, способствовало появление в 1750 г. первого сборника политических сочинений Гоббса. Юрист У. Блэкстоун включил основные положения теории Гоббса в вводное эссе в первом томе своих «Комментариев к законам Англии» в 1765 г. Блэкстоун настаивал, что «единственными истинными и естественными основами общества являются желания и страхи отдельных людей» (цит. по: [11, р. 353]), а выходом из подобного состояния является «политический союз» множества, где каждый должен согласиться «подчинить свою частную волю воле одного человека или собраний людей, которым доверена высшая власть», тем самым позволяя им действовать как «один человек», обладающий «единой волей». К этому аргументу Блэкстоун добавляет в отрывке, еще более напоминающем Гоббса, что имя этого политического союза – государство – «коллективное тело, состоящее из множества индивидуумов, объединенных для безопасности и удобства и намеревающихся действовать вместе как один человек» (цит. по: [11, р. 353–354]).

Хотя договорная теория, по мнению Скиннера, является одним важнейших политических следствий эпохи Просвещения для политической теории континентальной Европы в XIX в., к кон. XVIII в. возник иной способ мышления о публичной власти, при котором концепция государства как отдельного юридического лица почти полностью ускользнула из поля зрения. Атаку на подобную концепцию государства можно разделить на последовательные волны. Первая была связана с подъемом классического утилитаризма в последние десятилетия XVIII в. и с реформированием юриспруденции в утилитаризме Дж. Бентама [11, р. 355]. Предпринятая Бентамом «демистификация» государства выразилась в следующем убеждении: если термин «государство» вообще имеет какое-либо значение, то он может относиться только к реальной группе лиц, возглавляющих некий идентифицируемый аппарат правительства. Тем самым государство сводилось к наличию «отдельных лиц, наделенных полномочиями, которые можно использовать на благо остальных». Если бы не было таких лиц, наделенных

такими полномочиями, «не было бы такого понятия, как государство» [11, р. 356]. Л.Т. Хобхаус в работе «Метафизическая теория государства» под государством подразумевал либо правительство, либо, «что немного точнее, организацию, которая стоит за законом и правительством». Полномочия государстве, в этой связи, сводятся к различным актам правительства. Г. Ласки, размышляя в схожем ключе, утверждал, что действиями государств на самом деле является действием правительства. Когда мы говорим о государстве, мы просто имеем в виду господствующую систему судебной и исполнительной власти вместе с соответствующим аппаратом бюрократии и принудительной силы. Воззрения Ласки основывались на предположении, что государство остается основной концепцией, которую необходимо проанализировать и создать действующую философию государства.

Подобные установки стали вызывать сомнения у ряда политических теоретиков, что нашло выражение во второй волне критики. Этому во многом способствовал подъем международно-правовых организаций в период, предшествовавший Первой мировой войне, примером чего являются принятые Гаагские конвенции о законах и обычаях войны, которые существенно ограничили права суверенных государств вести военные действия на своих условиях. Учреждение Лиги Наций и Постоянной палаты международного правосудия, также подразумевало, по крайней мере теоретически, наличие силы, имеющей преимущество над юрисдикцией отдельных государств во многих областях. Следовательно, все большее число комментаторов стали предполагать, что концепция суверенного государства просто отжила свой век. К примеру, Н. Эйнджелл в «Основах международной политики» отмечал, что размышления о государстве как основной единице политического анализа безнадежно устарели и «противоречат фактам», поэтому необходимо отказаться от «привычки мыслить государством» (цит. по: [11, р. 359]). Изменения в экономической и политической системе второй половины XX в. продемонстрировали, что, по мнению ряда теоретиков, «старые государственнические категории, которые веками определяли дипломатию и государственное управление», теперь «настолько явно вытесняются», что мы скоро перестанем описывать политическую жизнь в подобных терминах вообще. Полномочия отдельных государств находятся в окончательном упадке; государство сжимается, отступает, «уходя в тень». В результате концепция государства теряет всякое значение как в политической философии, так и в теории международных отношений. Ф. Анкерсмит недавно зашел так далеко, что пришел к выводу, что «впервые за более чем полтысячелетия государство находится на пути к упадку» (цит. по: [11, р. 360]), что является достаточно спорным с позиции Скиннера. Для него основным недостатком современных дискуссий о государстве является чрезмерное стремление объявить о смерти государства. Сложно отрицать, что в современности отдельные государства утратили многие традиционные атрибуты суверенитета, тем не менее, ведущие государства мира остаются главными действующими лицами на международной арене и политическими акторами на своих территориях. Они продол-

жают печатать деньги, взимать налоги, обеспечивать исполнение контрактов, участвовать в войнах, заключать в тюрьмы, принимать законы.

Итак, истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста. Надлежащая методология истории идей должна состоять, во-первых, в том, чтобы очертить весь диапазон коммуникаций, которые могли бы быть конвенционально осуществлены посредством произнесения данного высказывания, и, во-вторых, проследить отношения между данным высказыванием и этим более широким лингвистическим контекстом, выступающим как средство декодирования фактического намерения автора. Изучение генеалогии государства позволяет обнаружить, что концепция государства всегда являлась предметом споров и дебатов. В последнее время преобладает так называемый редукционистский взгляд на государство: термин «государство» лучше всего понимать просто как обозначение установленного аппарата управления, а значение правительства снижается в новом глобализованном мире, что является весьма спорным и неподтверждаемым, по мнению Скиннера. Хотя многие теории государства в настоящее время интересны лишь с исторических позиций, договорная теория, по его мнению, представляет собой тот образ мышления, от которого не следует отказываться. Сохранение договорной теории, подразумевающей различие между аппаратом управления и личностью государства, в современном политическом дискурсе позволило бы не только рассмотреть легитимность поведения правительства, но и оправдать действия, которые правительства иногда вынуждены предпринимать во времена кризисов и чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_no-Splash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2023).
2. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.10.2023).
3. Femia J.V. An Historicist Critique of «Revisionist» Methods for Studying the History of Ideas // *History and Theory*. 1981. № 20 (2). P. 113–134.
4. Fisker T. Intellectual History as Political Theory: The Relevance of Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://www.timfisker.org/wp-content/uploads/2015/01/Intellectual-history-as-political-theory-updated.pdf> (accessed: 21.09.2023).
5. Havercroft J. Skinner, Wittgenstein and Historical Method [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/43263810> (accessed: 26.09.2023).
6. Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://cjh.uchicago.edu/issues/fall16/7.12.pdf> (accessed: 21.09.2023).
7. Keane J. *More Theses on the Philosophy of History // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 204–217.

8. Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique [Electronic resource]. URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/55413/RLambHHSSkinnerarticle.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed: 24.08.2023).
9. Minogue K.R. Method in Intellectual History: Quentin Skinner's Foundations // Philosophy. 1981. Vol. 56. № 218. P. 533–552.
10. Professor Quentin Skinner. Interview Transcript [Electronic resource]. URL: https://archives.history.ac.uk/makinghistory/resources/interviews/Skinner_Quentin.html (accessed: 26.09.2023).
11. Skinner Q. A Genealogy of the Modern State [Electronic resource]. URL: <https://www.thebritishacademy.ac.uk/documents/2073/pba162p325.pdf> (accessed: 26.03.2023).
12. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.08.2023).
13. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
14. Whatmore R. Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/34510985/Quentin_Skinner_and_the_Relevance_of_Intellectual_History (accessed: 21.10.2023).

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: A GENEALOGY OF THE MODERN STATE

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate linguistic context. The genealogy of the state proposed by Skinner is examined. It implies the study of various ways of understanding the concept of «state» in the history of political thought.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, state.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, As. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.10.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 26.11.2023.